

Библиотека

поэтического перевода

ИРИНА
ЖИЛЕНКО

В ОТЗВУКЕ ЧУДА

Избранное

Перевод с украинского Д. Кишиневского

Ульяновск
Созвучие
2008

Ирина Жиленко

В отзвуке чуда. Избранное

Перевод с украинского Д. Кишиневского

В оформлении использованы репродукции картин В.Зарецкого

Жиленко Ирина Владимировна, украинская поэтесса. Родилась в 1941 году в Киеве. Автор 15 поэтических сборников. Лауреат Государственной премии им. Тараса Шевченко.

Стихи Ирины Жиленко нельзя воспринимать «со стороны». Это чудо, которое надо пережить, а не объяснять. Светлый и драматический, красочный и философски глубокий мир её поэзии по-настоящему раскрывается только при встречном движении души читателя.

Предисловие переводчика

Так сложилось, что российские читатели в своём большинстве по ряду причин мало знакомы со славяноязычной поэзией своего времени даже в переводах на русский язык. В то же время один из самых значительных поэтов второй половины прошлого и начала нынешнего столетий пишет на украинском языке. Имя этого поэта – Ирина Жиленко.

Самая первая книга её стихов «Соло на сольфі» вышла в самом начале незабываемых шестидесятых годов прошлого века. Наше поколение помнит, как самые большие залы не вмещали тогда желающих послушать стихи поэтов «новой волны». И так же, как Анна Ахматова на закате своей жизни успела благословить начавших свой путь в поэзии Иосифа Бродского и Глеба Горбовского, так и Максим Рыльский, в творчестве которого наступило «третье цветение», напутствовал молодых поэтов, в которых он видел будущее национальной поэзии.

И, конечно же, и в Украине после «оттепели» наступили времена литературных погромов.

Ирина Жиленко в поэме «Чайна церемонія» вспоминает о тогдашних держимордах от литературы, которые

*шипели: узок кругозор,
салонность, барство, декаданс.
Трагизм, абстрактный гуманизм,
идеализм, аполитичность.
А в тексте – космополитичность,
в подтексте – национализм.*

Как вспоминает автор предисловия к книге «Євангеліє від ластівки» М. Жулинский, «Ирина Жиленко среди своих друзей-шестидесятников была тем чарующим поэтическим

кристаллом, в который вглядывались с удивлением и восторгом ... те, кто стали её семьёю, кто представлял и представляет её великое, мужественное несчастное и счастливое поколение».

Глубинные же корни поэзии Ирины Жиленко уходят и в благодатную почву поэзии Тараса Шевченко, Леси Украинки, и к живительному источнику поэзии «серебряного века», и к сокровищам китайской и японской классической поэзии. Они питаются и от шедевров европейской литературы, музыкальной классики и живописи. Но, как чутко заметил истинный ценитель её творчества Юрий Лисица, «при всех этих превосходных предпочтениях стихи и поэзия Ирины Жиленко совершенно другие. Это какая-то калива (греч. «хижина» – жилище отшельника, обособленная келья, маленький дом, иногда с храмом) на земле мировой поэзии, куда заходят редкие пилигримы (прочани), но зато самые верные».

Поэтический язык поэтессы при всем своем ритмическом и интонационном своеобразии и многообразии классически ясен, и вместе с тем читать её стихи подчас совсем не просто. Их нельзя воспринимать «со стороны». Её стихи – чудо, которое надо «пережить, а не объяснить», и с этим я совершенно согласен по своему опыту приобщения к этой великой поэзии. Светлый и драматический, красочный и философски глубокий мир поэзии Ирины Жиленко по-настоящему раскрывается только при встречном движении души читателя. Глубинный смысл её стихов далеко не всегда воспринимается с первого чтения сквозь кажущуюся лёгкость, или, скажем, сквозь иногда мягкий, а иногда поистине искромётный юмор её строк. А порой её стихи сразу захватывают читателя своим чувством единения со Всевышним («Осень. Ночная музыка»), либо щемящим чувством любви и жалости («Любовь»), либо, своей глубокой трагичностью (стихи цикла «DIES IRAE», выстраданные поэтом в дни страшной чернобыльской катастрофы). А её «осенние» стихи! – «Окончены хлопоты лета», «Озёра стынут по ночам...»,

«Станция», изумительный цикл «Свет осени»... В них человеческая жизнь, широчайшая гамма чувств и переживаний.

Должен сказать следующее. К обозначению данного сборника как «Избранное» следует относиться с осторожностью. Обычно под названием «Избранное» понимается, что составитель выбрал наиболее важные с его точки зрения произведения автора, с учётом направленности сборника. Здесь же дело обстоит совершенно не так. Абсолютное большинство опубликованных здесь стихов в моём переводе в оригинале входят в замечательную книгу «Евангелие от ласточки» (Ирина Жиленко. “Євангеліє від ластівки». Вибрани твори. Київ, Університетське видавництво «Пульсари», 2006 р.), которую действительно по праву можно назвать сборником избранных произведений поэта. В данный же сборник вошли только те стихотворения, которые я сумел на сегодня осмыслить, пропустить через своё сердце и, на мой взгляд, достаточно адекватно перевести на русский язык. Осмысление стихов такого поэта, как Ирина Жиленко, с целью их последующего перевода требует большой работы души и разума, иногда – подлинного перевоплощения, а это весьма непростой и длительный процесс.

Что касается процесса перевода, то перевод именно с родственного языка, да ещё стихов такого уровня представляет огромную, а иногда непреодолимую трудность. Чрезвычайно высока ответственность переводчика, который обязан постоянно следить, не оказался ли в его руке вместо пера скальпель!

«Та, которая молится Богу стихами» – так назвал своё предисловие к книге «Евангелие від ластівки» тонкий исследователь поэзии Ирины Жиленко М.Жулинский. Лучше сказать нельзя. И это притом, что у неё почти нет стихов духовного в прямом религиозном смысле содержания. Есть даже стихи, полные гнева, отчаяния и безысходности. Может быть, это грех. Но вся её поэзия рождена любовью, пронизана ею, а... Бог есть Любовь! И это искупает всё.

Конечно, настоящая подборка стихов Ирины Жиленко в моём переводе не может дать сколько-нибудь цельного впечатления о творчестве поэта во всём его величии и многообразии. Но всё-таки буду счастлив, если эта моя работа позволит русскоязычному читателю услышать и впустить в своё сердце отзвук чуда, имя которому – поэзия Ирины Жиленко.

Д. Кишиневский

* * *

Когда остатки солнышка на платье
печально и красиво угасают,
и наполняют сумерки жилище
тенью осенних шёпотом неясным.
Когда воспоминанья и тревоги
со мною рядом вокруг стола садятся –
я оставляю начатую строчку,
и в шелест вечера я убегаю.
В меланхоличный жёлтый звон
оркестра.

И по сырым коврам аллею осенних
иду, не поднимая тёплый ворот,
и льнут к ногам доверчивые листья.
О, как печально тихий жёлтый сад,
с их влажною красою расстается.
А в бесприютной комнате моей
хозяйкой одиночество пирует.
Ты знал ли одиночество, мой милый?
И скрип дверей обманчивый в тиши,
когда оно угрюмо и упрямо
бредёт по неприкаянной квартире?
Вот ворошит оно мои бумаги
и ждёт меня.

Когда я прихожу,
пропахшая осеннюю листвою,
оно меня встречает на пороге
и застывает рядом неподвижно,
вздыхая сокрушённо и печально.
И до рассвета больше не уходит.

Ты знаешь, милый, как всю ночь не спать?
Стоять в тяжелом мраке, как над бездной,
а на плечах нет милого ладоней?
Когда рыдает ночью бесконечной
глухое одиночество в тиши.

* * *

Запахло дождём...
Предосенние дачи
пошли побродить по аллеям вечерним.
Уж лета корабль качнулся и начал
свой путь, увлекаемый вечным течением.

Уже перелески чуть пожелтели,
грустят гвоздики в прозрачной склянке.
Георгинами отгорели,
отзолотели полустанки.

Террасу в виноградном неводе
ласкает ветер переменчивый,
и тихо речка мулине
погасла на коленях женщины.

И сумерки тончайшей тканью
так бережно прикрыли плечи,
и лёгких тёнёй трепетанье
рассыпал перед нею вечер.

Ещё печально, нежно дышит
в ольховых ветках птичий плач,
но скоро воцарится тишь
в пространствах опустевших дач.

* * *

Туманным утром, в доме, полном счастья,
открыть окно в берёзовый лесок!
А мокрый ветер бьётся вокруг запястья,
как пойманный замёрзший голубок.
Хмельные сквозняки, что по весне
приходят от заплаканного тала,
пронзили шёлк халатика на мне
и в рукава насыпали фиалок.

* * *

Анатолию Макарову

Есть души, как летние звёзды,
сошедшие с тёмного неба.
Хранят они в штиты и в грозы
тихий свой свет волшебный.

Их струны настроены тонко
на мудрое равновесье.
Звучит их голос негромкий,
как шелест рассветного леса.

Есть люди, как звёзды, как боги.
Покойны их светлые лики,
когда они в креслах глубоких
читают великие книги.

Есть души, что не умирают,
а тают в сияньи лучистом,
ведь завтра (наверное знают!)
им снова и снова родиться.

И вновь уходить им в небо
и дальше, и дальше – вечно...
Их вечность – не чёрная небыль,
а ласковый свет бесконечный.

Есть люди, которые могут,
минуя толпы мирские,
пройти неспешной дорогой
сквозь наше столетье – в иные.

Чтоб снова, как пилигримы,
вернуться... И в небе глубоко
звёзды горят над ними
и лампы горят в их окнах.

* * *

Я шла из парка. Холодало.
Плющи взбежали по стене.
Вот дом, который потеряла.
А кто нашёл – неведом мне.

Ночную тишиной умылся
и улыбнулся старый дом:
«Ведь я – любовь!» –
Перекрестился
большим сияющим окном.

Я расчешу твои плющи,
как прежде, будешь чист и светел.
И снова искрятся дожди,
и вновь звенит стекло в буфете.

Приходит мудрый Мендельсон,
глядит задумчиво и строго.
А дочке снится тёплый сон
про голубого носорога...

* * *

Д. Федоряченко

Я приду сегодня в ясный полдень.
Кину плащ свой белый на роаль.
Будет нам так солнечно и молодо
возле окон солнечных стоять.

Что же золотые вихри снежные,
Вас венчая, искрятся порой?
Я ж замёрзну в солнечной одежде,
чудный мой Серебряный Король.

Эта снежность навевает таинство
нежному и светлому молчанью.
А за нею золотятся радостно
Ваши очи, мой Король печальный.

Заблудились в светлой этой замети
мои руки на краю стола.
Сколько снега надо разбросать мне,
чтоб коснуться Вашего чела!

Белые метели, что лелеют
Ваши годы, губы и виски,
усмирить, наверно, не сумеет
даже всё тепло моей руки.

За окном багряно чахнет осень.
Шум машин и мёрзлый крик ворон.
От меня метелью Вас относит,
чудный мой Серебряный Король.

Всё равно я вновь приду. И снова
кину плащ свой белый на рояль.
Будем с Вами рядом зачаровано
возле окон солнечных стоять.

СОВА

Жили в доме одном три сестры.
Тихо жили они до поры.
Вдруг звонит телефон: «Как стемнеет –
уходите из дома скорее!
Нынче гость (а какой – не скажем)
будет к вечеру в доме вашем».

Миг один – схватить пальто.
Миг ещё – поймать авто.
Мчаться в уличные дали
и затихнуть в кинозале.
Это старшая сестра
на такси рванула быстром.
Кинозал. Двадцатый ряд.
Детектив. Агата Кристи.

Средняя (она ж середина!)
мудрую слыла совою –
притаилась за гардиной
и вертела головою.

Притаилась тихо очень.
Не шуршит цветной халат.
Хочет знать, что будет к ночи,
только так, чтоб без утрат.

Ну, а третья приделась,
(где моё не пропадало!).
Стол накрыв скатёркой белой,
ожидала...

Три сестры жили в доме одном.
Что там было – не помнит тот дом.
Только младшая, знает, сестра
вышла замуж давно за царя!
Старшая будто кухаркою служит
в их дворце. И живёт – не тужит.
А другая сестра, хоть жива,
одинокó живёт, как сова.
Тёмной ночью пугает прохожих,
их своей ворожбою тревожа.

И не знает сама, чего хочет.
И отвыкли от солнышка очи.
И ночами гадает сестра,
обхвативши крылом телефон.
Ждёт кого-то, покуда заря
не осветит немой телефон.
День за днём, год за годом подряд
не звонит у совы телефон.

СОСНА

Ночь была черна, глубока.
Ночь была, словно слива, терпка.
На рассвете с ночного стекла
в меня моя ночь перешла.

Притаилась, не верховодит...
А деревья в саду на восходе
сладко жмурятся, тихо бормочут,
мол, хмельное вино у ночи.

Слива потянулась, качнулась,
оперлась на плечо, зевнула.
И боюсь я вздохнуть счастливо.
Я боюсь потревожить сливу.

Так идём. Нам не надо речей.
Ветка сливы спит на плече.
Мои пальцы спят у ствола –
задохнулась в солнце земля!

Знаешь, ты иди себе с Богом...
Не гневись на меня – я немного
опьянела сливовым соком,
захмелела шагом сливовым.

Между тонких деревьев этих,
светлый мой, ты один свидетель,
что не слива я, не сосна,
что я просто твоя жена.

Только сад мой тебе не верит –
даже очи сонного зверя
безразлично скользят по мне,
словно по зелёной сосне.

ГЕРАНЬ

Накатило тёмной синью.
Будет дождь. А может – нет.
Я помою апельсины
и поставлю на окне.

Завтра праздник. Тихо в доме.
Про себя бормочет кран.
Лучик солнышка наклонный
опалил мою герань.

Всюду тишь. Бледнеют тени.
Не слышать ничьих шагов.
Только слышно приближенье
тёмных влажных облаков.

К белым розам в синей вазе
с доброй вестью – добрый дождь.
Завтра лето. Завтра праздник.
В доме будет добрый гость.

Дождь уходит. Небо сине.
И светлеет мокрый сад.
И герань моя в росинках,
и лицо моё – в слезах.

* * *

Сегодня Спас. И звон. Я в белом платье.
Росой умыта неба бирюза.
Я накрываю стол. Алеет скатерть.
А окна смотрят в яблоневый сад.

Когда я раскрываю окна в сад –
мой сад смеётся, убегая вглубь.
И алый стол, и хлеб за ним бредут,
и скатерть влажно трогает роса.

А я светло вздыхаю: «Скоро осень!»
И понимаю счастье очень просто –
когда твоя несмелая рука
прохладную мою погладит щёку.
И губ коснется солнечный бокал,
и сад вздохнёт торжественно-глубоко.

* * *

Стихает боль. На свете синий день.
Приходят голубые тени с улиц.
И за окошком лёгкая метель,
и платье белое раскинуто на стуле.

Сверкает ёлка искрами слюды,
лазурный шар мигает ясным оком.
Могу я встать? Тихонько подойти
туда, где тюль открыл
свой светлый локон,

где за окном стоит веселый гном
и, как графин с искрящимся вином,
раскачивает дом... И я взлетаю
над золотом витрин и над трамваем.
А за плечом окно звенит печально,
и на виски ложится снег кристальный.

И СВЕТЛОЙ АЛЛЕЕЙ...

И светлой аллеей
дойду до певучей реки.
Неведомо, где я,
и ноги, как прежде, легки.
Сиренью окутан
там маленький солнечный дом.
Скажите, откуда
вода, что звенит серебром?
И сполохи света,
и солнечный радостный зверь?
Засыпанный цветом
мой дом. И открытая дверь.
Гроза откатилась...
Умыты дождём до зари,
во мне засветились
акаций моих фонари.
По светлой аллее
туда, где скрипучий причал!
Скажите мне, где я?
Хочу всё сначала начать.
Чтоб вновь растворить мне
окно в пламенеющий сад.
На чистой странице
впервые свой стих написать.

* * *

В ночи сошли снега.

Вздохнёт с рассветом поздним
и одурманит сад живой горячий грунт.
И старого плетня полугнилые лозы
мучительно пронзит ток жизни поутру.

И, словно женщина, во тьме тихонько охнет,
листом пролившись, почка в полусне.
И ночью свадебной у ветра горло сохнет,
томимо жаждою и песней о весне.

Ручьи смеются. Непокойно бродят
в подвалах соки, чтобы стать вином.
О, брачной ночи час!
О, сладкий час природы!

Раскрытые уста,
раскрытое окно.

ОКНО, РАСКРЫТОЕ В САД

Осенний ветер... Птица прокричит
и смолкнет. И туман обнимет птицу.
В одеждах светлых я стою в ночи
под чёрным деревом,
где сонной птице снится
весна. И в листьях вязнут каблуки.
Шуршит листва бездомно и трагично.
"Зачем в дурмане сладостной тоски
дивлюсь тебе в твоём ночном обличье?" –
спросил меня любимый. И под стон
далекого усталого трамвая
твержу себе: "Не должен знать никто,
что я уже не женщина земная,
а в доме неурядиц и досад
заветное окно в волшебный сад".
Светло скатилась по стеклу слеза,
и я в порыве радостном и грешном
боюсь открыть тебе окошко в сад
и утопить в его цветеньи вешнем.

Дороги от аллей моих назад
не отыскать! От терпких трав хмелея,
всегда тебе и славить, и лелеять
меня – окно, распахнутое в сад.

В ОТЗВУКЕ ЧУДА

В отзвуке чуда, в светлой надежде
рады мы зимам и вёснам нежным.
В будни и в праздник встаём до рассвета.
Ласточки в дом залетают летом.

После дождя багрянеют черешни.
Рак под мосточком выпростал клешни.
Сверчок убаюкает, кочет разбудит
в светлой надежде, в отзвуке чуда.

Щедрый подсолнух седой и горбатый.
К осени будем добры и богаты.
Вытопим грубку, внимая, как прежде,
отзвуку чуда в светлой надежде.

ОСЕНЬ. КОПАЛИ КАРТОШКУ

Копали картошку, и вёдра хмелели от звона.
Варили с укропом борщи золотисто-червонные.
И жгли огороды. Вчера, и всю ночь, и сегодня.
И жили в согласии с каждым твореньем Господним;
наш пёс был прекрасный, и кочет прекрасный, и вол.
И шмель над цикорием басом мелодию вёл.

И белых берёз островки среди добрых полей,
и светлый родник, и высокий полёт журавлей,
и рыжий шиповник в последнем осеннем тепле –
всё правда под небом на щедрой родимой земле.
Прилягу у тына и очи солью с небосводом.
Как блудного сына, прими меня, мать-природа.

ОКОНЧЕНЫ ХЛОПОТЫ ЛЕТА...

Есть и горох, и греча, спелого мака коса.
Осень, прошу седечно в хату мою и в сад.
Вдоволь картошки накопано. Просятся в кадку вилки.
Вкусно пахнут укропом в погребе огурки.
Всего у меня в достатке. Славный созрел подсолнух.
На зиму семечки сладкие в печи до утра просохнут.
Тянет от печки теплыню. Бродит наливка из тёрна.
Где-то, сверкая синью, стынут в горах озёра.
Окончены хлопоты лета. Окна в мой сад раскрыты.
Листья летят по свету. Viva vita!
Поздних рассветов просинь тонет в густых туманах.
Осень, прекрасная гостья, ты в доме моем желанна.
Я ведь прошу немного, осень, за труд мой тихий.
Были бы хлеб и дорога. Друг. И дитя. И книги.
Здоровье... А слава? Да бог с ней!
В дивном своем круженьи
наворожи мне, осень, мудрое вдохновенье.

* * *

Озёра стыннут по ночам.
Всё реже тихие зарницы.
Прозрачной осени печать
на жёлтые холмы ложится.

Иду я утренним селом,
и в чистоте необычайной
природы светлое чело
исполнено глубокой тайны.

Когда все собраны плоды,
и остаётся лишь усталость,
когда засыпаны следы
прошедших дней листвой опалой, –

тогда выходишь за село,
и грустью светлого покоя
тебе ложится на чело
то, что зовётся сединою.

Теперь смиренен ты и тих,
и сам себя ты судишь строго.
Увы! Убого ж дел твоих
наследство...Как оно убого!

Прозревший, мудрый, – «Вспоминай, –
ты шепчешь, – где блуждал доселе?
На что ты жизнь свою менял?»
В ответ – лишь шорох трав осенних...

* * *

До нежной жалости, до боли
я землю тихую люблю.
В седую бесконечность поля
печаль и радость перелью.

Довольно суетных желаний,
ненужных слов, пустых обид.
Гусиный крик холодной ранью
прижался к небу и болит.

И если из миров, где вечность,
пустынным холодом дохнёт,
я приоткрою дверцу печки
и побеседую с огнём.

КРАСНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ

Краснеют черепицы под солнцем золотым.
Мне весело бежится по лесенкам крутым.
Ребёнок я немножко, немножечко и нет.
И синь-синь-синь – горошек сбегает по стене.

Горят на солнце осы, краснеют черепицы.
Чуть-чуть я стала взрослой, немножко –
чаровницей.
Вниз лесенка, как гамма. Светла я и грустна –
немножечко я мама, немножечко – жена.

Горошек синий-синий. Пылающий паркет.
В зеркальном магазине роскошный манекен.
От самокатов синих на тротуаре тесно.
Немножко я красива, немножко – поэтесса.

И грезит морем город, и мак в степи поблек.
И... двадцать, тридцать, сорок, и пятьдесят –
и снег...

По лесенке (взойду ли?) веду гулять я внучку.
Немножечко бабуля – я с внучкою за ручку.

Краснеют черепицы. Звон мячика высок.
Горят на солнце спицы, и катится клубок.
Чуть-чуть блестят седины. Заплакать впору мне.
Горошек синий-синий сбегает по стене.

И семьдесят, и дале... Ещё, ещё – и всё!
И кто-то зарыдает, кто – розы принесёт.
Ступеньки вниз, как в гамме, и некому помочь.
И плачет дочка-мама, и плачет внучка-дочь.

Краснеют черепицы, и солнышко горит.
А мне покойно спится... Мне некого корить.
Ведь было так красиво –
по лесенкам
сбегать!

Горошек синий-синий. И слёз не удержать.

ГОРОДОК. ДОЖДЬ

Дождик шёл из светлой вышины.
Горько пахла зелень палисада.
Ни тоски, ни злобы, ни войны.
Городок, и скрипочка, и радость.

Пахли дыни. Ветерок вздыхал.
Пьяный плакал и ругался глухо.
И на квочку тявкал в лопухах
глупенький щенок с отвислым ухом.

Дождик шёл из светлой вышины.
Я пошла за ним, полна веселья.
А за мною – хлопчик. А за ним –
бирюзовый слоник карусельный.

Вот базар. И площадь. И кино.
Всё нежнее дождика касанье.
Вот мой дом, где скрипка и окно,
рыженький тигрёнок на диване.

Дождик – в плач, я – в смех,
а мокрый слон
с пацаном в кино побрёл, наверно.
Стихло всё. Лишь трепетно-светло
зажигал огонь фонарь вечерний.

В смех я шла, как в дом уютный свой,
где судьбою мне дано смеяться,
и с певучей скрипочкою знаться,
чтоб душа осталась молодой.

СТАНЦИЯ

Идут дожди... На лицах залегли
печалей тени. В садике туманном
темнокроваво отцветают канны,
а хризантемы раньше отцвели.

«Скажи, который час?» –
«Пошёл уж третий!»
В пристанционном сереньком буфете
пъём чай остывший просто по привычке.
А за окном рыдают электрички.

И я смотрю сквозь жёлтый листопад
на чёрный мост, что громоздится хмуро.
И что-то отвечаю невпопад,
а мой попутчик сердится и курит.

Всё правда. То, что тридцать. Что жена.
Что осень. И что жить нам надо просто.
Что, слава Богу, нынче есть у нас
и дом, и хлеб. И дети есть. И гости.

Что жаловаться грех (да и кому?)
на долю. Всё сбылось. Всё удалось нам.
Согласно улыбаюсь я ему,
и шум дождя слова его относит.

Так почему ж на лицах залегли
печалей смутных тени? Я не плачу.
То просто осень так во мне чудачит,
то просто женщина во мне болит.

Идут дожди... Но и они пройдут.
И облетят берёзы в полусне.
И осень отпечалится в саду,
и просветлеет женщина во мне.

ОСЕННИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР

Мой летний поезд замолчал устало
пред липами у старого вокзала.
И я зашла в их призрачную тень.
«Здесь осень» – мне обыденно напомнил
мой муж. Я сладко выдохнула: «Дома...»
и сердцем приняла осенний день.

Притишена до лёгкого *piano*,
о чём-то светлом скрипка напевала.
В моём окне река, и луг, и лес.
Я милостиво осени кивнула:
«Ну, здравствуй, я готова, я вернулась.
Настраивай свой камерный оркестр».

Заговорили в сумерках куранты
про то, как час проходит сквозь пространство
и в вечности находит свой приют.
И разуму туда закрыты двери.
И лишь душа в спокойной тихой вере
провидит всё, когда куранты бьют.

Вступает дождь... Высокий и безбрежный,
он властвует уже, и неизбежно
размоет он непрочный тот сосуд,
который дан тебе самой природой,
и мысль, и чувства пустит на свободу
и перельёт в холодную тоску
просторов... Но проходят все печали,
когда призывно барабанит чайник,
поёт сверчок в запечном закутке.
И в этом есть спокойствие и сила,
мол, за века ничто не изменилось.
Всегда куранты били в уголке.

И светлая девчушка вырастала,
в свои косички банты заплетала.
Гляделись в окна луг, река и лес.
Минует всё...

Но пусть вовеки будет
твой дом, где словно ласковое чудо,
звучит осенний камерный оркестр.

* * *

Снег. Мороз. Двойные рамы.
Шубку теплую надень-ка.
На снегу под фонарями
мы танцуем Летку-еньку.

Как сумеем, как удастся
мы станцуем и споём.
В этом свете, словно в сказке,
есть для каждого своё.

Каждый пёс из чистой миски
ест горячие сосиски.
У бабулек и дедов
белых два ряда зубов.

За волнистой, белоснежной
занавеской из нейлона
старички грызут орешки
и читают Сименона.

Есть у каждого мальчонки
папа, мама и сестрёнка.
Охраняет каждый дом
свой старинный добрый гном.

Есть и перья для беретов,
и блокноты для поэтов,
для девчонок – каблучки,
а для лысых – парички.

Будем соки пить и пунши,
чтоб румянцем расцвести.
Нынче к празднику все пушки
заряжают конфетти.

* * *

Всё я знаю. Когда я помру,
стану гномом в атласном жилете.
Мил мне будет мой гномичий труд –
золотить на сервизах букеты.

Не герой, не мудрец, не пророк –
что умею? Смеяться и плакать.
Будет алый мелькать колпачок,
как цветочек весеннего мака.

Буду пробовать сахар и тмин,
и ликер из серебряной рюмки.
Чутко спать среди долгой зимы
буду в старой уютной шкатулке.

Взяв уроки хороших манер
у фарфоровых дам деликатных,
заведу себе трость и лорнет,
и, конечно, сверчка-музыканта.

Я с маркизом сыграю в пикет,
разучу я с маркизой дуэтик.
И пожалуюсь тихо валету,
мол, конца у бессмертия нет.

И столетье, другое, и третье...
В час, когда за окошками снег,
в своем старом кургузом жилете
я на радость поэтам и детям
буду сказки шептать в тишине.

О, не плачьте, живые, по мне...

СВЕТ ОСЕНИ

(Цикл)

В такие мгновенья
вселенную я постигаю.
Если не в этом радость,
то в чём же она иначе?

*Тао Юань-мин**

1

Я праздновала вечер года
в озябшем доме у горы.
А он смотрел сквозь непогоду
на пустоту дорог сырых.

Брела горами. И под вечер
сидела в кресле у огня.
Настрой был тихий и сердечный
у мудрых книг и у меня.

И стало с вечером унылым
уединенье золотым.
И так неодиноким было
мне с одиночеством моим!

Чуть опечалена годами,
с ним говорила в тишине:
«Ну, что сегодня нагадаешь,
дружок красноречивый, мне?»»

За озером кричали лоси,
тревожил шорох камышей.
И, как вино, светилась осень.
Был праздник осени в душе.

И уходил тот день, влекомый
седого времени рекой.
А я вздыхала: упокой мя,
там, через тысячу веков!

2

Склонившись, астры лето отпевали.
Темнели птицы, и дожди цвели.
О Тяо-сян, хочу я выпить с Вами
бокал вина из золотистых слив.

Не отступлюсь пред гулкостью просторов,
пред далью Цзиньской сумрачной поры.
Ведь так близки мои родные горы
далёким склонам милой Вам горы.

Я Вам – про осень, огород и дом.
А Вы в ответ – про туты и про ветер.**
Нам любо осветить осенний вечер
огнём бокалов с молодым вином.

А на челе морщины пролегли.
В зрачках мелькнула тень пролётной птицы.
Когда осенней ночью мне не спится –
Вам тоже не уснуть на дне земли.

О, сколько нынче чудных перемен!
Вот прозвучит ночное слово тиши.
Как робкий проблеск света в полной тьме,
нам первый звук стиха как будто слышен.

Сегодня мы роднее всех родных.
И спят, устав от войн и лихолетий,
семнадцать упокоенных столетий
меж нами...

Тише! Не будите их...

4

Огонь. И сумерки. И чай.
И два апостола Эль-Греко.
По крыше дождики стучат,
а здесь – сверчка запечный стрекот.

Когда ты книгою бредёшь,
в потёмках лампой освещённой,
не могут суета и ложь
души коснуться просветлённой.

Среди веков седого поля
приют свой домом называем.
Куда ж ты мчишь, превозмогая
из лёгких рвущуюся боль?

Мне б дочитать... Ещё немного...
Ведь кто-то свыше обещал.
А ночь, не ведая пощад,
пришла и встала у порога.

И тихого огня печаль,
и “скорой помощи” тревога.
Ещё б немного...

5

Я живу вот в этой дикой хатке,
сгорбленной, отбившейся от рук.
Скоро год, как умерла здесь бабка.
Здесь когданибудь и я помру.

Яблонька-кисличка у крылечка,
сивым черноталом двор зарос.
Видно, простудилась в доме печка,
и пыхтит, чадит она до слёз.

Мне теперь поесть бы и согреться.
Борщ сварю и грубку протоплю.
Тявкают лисицы близко где-то.
И всю ночь, их слушая, не сплю.

Да скрипит калитка монотонно,
ветер скучно трётся об кору.
И в потёмках бродит беспокойно
домик мой, отбившийся от рук.

И бормочет хатка несуразная,
словно бабка, тронутая разумом.
Спотыкаясь, будто бы ослепла,
что-то ищет. Может, брода в пекло.

Псы за нею бегают, аж хрипнут.
И в трубе насвистывает ветер.
Не с кем слово молвить в целом свете.
Не с кем в эту ночь поговорить мне.

6

Живу в очарованьи вечных тем.
Крик иволги. Темнеющее поле.
Туман. И пышность жёлтых хризантем –
предвестница осенних меланхолий.

И сколько бы ни старилась земля,
и сколько б мы ни открывали тайн,
мы всё такие ж, как и старый Тао –
сердца в нас так же любят и болят.

В осеней вечер слово засвечу.
И мир вокруг засветится от слова.
Я никого на свете не учу.
Раскрыв окно,
смотрю я в сад с любовью.

Вот паутинок серебристых снег.
Вот жёлудя в листве простое чудо.
И так природе близок человек,
так человеку без природы трудно.

И понимаю, что тут говорить –
я разве первая служу вечерню?
От нового ведёт к былому нить,
и узнаём мы старое в модерне.

Крик иволги, и одинокий шаг
отшельника – и мы грешны тем самым.
Вот научиться б дорожить словами,
подчас перо брать в руку не спеша.

Похожие на солнце хризантемы
мой освещают сад. Уже давно
я чувствую, что исчерпала тему.
Но есть вино. Но есть ещё вино...

Примечания переводчика:

* В оригинале стих Тао Юань-мина дан в украинском переводе. Здесь – в адаптированном русском переводе Л.Эйдлина.

** По стихотворению Тао Юань-мина «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...» из цикла «Подражание древнему» (русский перевод Л.Эйдлина).

СТИХ В АЛЬБОМ

Евгению Сверстюку

Снова праздную жизнь и пою
свою жажду, свой голод юный.
Слава богу – ещё люблю.
Слава богу – ещё воюю.

И печаль тополей я праздную,
и рассветную стынь сентября,
мою муку и горькую радость
безнадёжно любить тебя.

И тюльпан из огня и золота
поднимаю и пью, мой любый,
за твою кучерявую голову,
за твои недоступные губы.

Пью за нашу осеннюю дружбу,
и за кофе горький нектар,
и за тщетность тебе ненужных
всех моих поэтических чар.

Пью за годы, которые минули,
и за нас, заплутавших в годах,
и за тоненьких улочек линии,
и за первый снег на висках.

Снова праздную жизнь и пою
свою жажду, свой голод юный.
Слава богу – ещё люблю,
Слава богу – ещё воюю.

СУМЕРКИ

Так в сумерках душе моей тревожно...
На обгащённой заревом земле
в туманах этих разминуться можно
с судьбой своею, заплутав во мгле.

В злых сумерках теряют силу речи,
касается души глухая вечность.
И женщина теряет смысл дней,
а милый не найдёт дороги к ней.

Сверкают окна баров и кафе,
там дым, там строй бутылок разноцветных.
Найти там место – как открыть планету.
Иди домой, где старенький буфет,

где стол накрыт клеёночкой простою,
где пахнет супом вкусно и тепло.
Да прищемило душу сизой мглою,
и закружило вдруг, и повело.

Пролил закат последний свет неяркий
на площадь, где стучат ещё мячи,
пучки редиски продаёт крестьянка,
и хрипло где-то музыка звучит.

Присядь на лавочку в ногах Атланта.
Он на плечах упрямо держит Свет,
хоть весь давно изранен и заплатам,
от синяков живого места нет.

Ветрами голова его полна,
прострелена ракетами, седая.
Он – словно дерево, чьи корни подмывает
порою равнодушная волна.

Край неба затянуло чёрной тучей,
и туча не дождём полна – вином.
Но, опалив цветы, янтарный лучик
успел войти в открытое окно.

Там кто-то так нетерпеливо ждёт
желанного!
Иной всю жизнь идёт.
И женщина всю жизнь, бывает, спит,
и на ресницах солнышко блестит.

Откуда в мире зло? – Атлант, скажи.
Не потому ли нет ему конца,
что каждый день оно острит ножи
о наши неразумные сердца?
Что возвестил закат багрово-алый?
Конец?
Начало?

Кассандра молвит: «Знаю – да молчу».
Но потемнели очи у Кассандры.
Узнать я не пытаюсь. Я свечусь.
И свой цветок кладу к ногам Атланта.

Прости меня. Не в силах дорасти.
Но верю я в твою седую бронзу.
И тихо, неприкаянный, летит
по небу шарик.
Угасает солнце.

НА СКЛОНЕ ДНЯ

Наш облик в зеркалах трепещет,
дрожит, тускнея день за днём.
О, догорающая свечка!
Не захлебнись своим огнём.
Не обожгись вечерней грустью
сорокалетнего лица,
когда в груди темно и пусто,
и встал декабрь у крыльца.
Не задохнись в себе сама,
когда встряхнёт немилосердно
тебя, как градусник, зима,
и ноль свинцово стиснет сердце
тугим сатурновым кольцом,
и годы лягут на лицо,
и тело вяло и недужно,
как рубище, прикроет душу.
Оно измято, как тюльпан,
что опадает под метелью,
роняя лепестки на землю,
чтоб следом – спать... Навечно – спать.
Что делать? Мы не бунтари.
Мы просто (о печаль!) стары.
На тёплом юге наши птицы,
друзья – в земле. И среди зимы
сквозь слёзы нам как будто снится,
что в сумерках ненастных мы
стоим пред белой стеною,
и дверь зелёная в стене!
(Там – сад. Там в синей вышине
сияет солнце золотое.
Поют свирели.
Смех, роса.

И в тереме средь вишен зрелых
взлёт занавесок ошалелых).
Я в сад хочу!
В зелёный сад!
Но падает с ресниц слеза –
и где та дверь? И где тот сад?
Лишь женщина с тоской земною
стоит согбенно (это я?)
и тихо плачет под стеною,
сырою, страшною, глухою.
Стоит.
Недолго ей стоять.

СЕРДЦЕ

Я вся – сплошное сердце. В сонме дней
долг сердца – биться весь свой век без лени.
Я бьюсь, и кровь струится из локтей,
сочится из разодранных коленей.

Неладно в нашей жизни быстротечной
устроены порядки дел сердечных.

Вот это сердце (лирика, поэта!) –
холодный камень. Им хоть парапеты,
хоть тротуар мости, ножи остри.
Другое – Боже! – даже без коры.

Без скорлупы. И так легко ранимо,
как птенчик, беззащитно и наивно,

доверчиво, как малое дитя.

Что будет, если злобно иль шутя
тем сердцем каменным

да по такому –
трепещущему, мягкому, живому.

И слишком много в мире ситуаций
дают таким сердцам соприкасаться.

Наш жёсткий мир расчётов и коммерций –
как тир огромный. Но пускай курок
уже взведён – я (цель! Сплошное сердце!)
всё так же свято верую в добро.

И в истину, которая кивает
мне сквозь туманы, умиряя страх.
Она сердца смягчает и ласкает
и держит все пути в своих руках.

ПЧЁЛЫ

Хрипит динамик. Опустела площадь.
Здесь ни души. Лишь куры, мухи, лошадь.
Цыганский дождик прыскает слегка.
Течёт лениво сонная река.
Зелёный улей. Синий, красный улей.
Засеребрились травы возле них
и будто шепчут: “От крикливых улиц
уйди в пчелиный звон и отдохни.”
Был тёплый свет, и старенькая лавка,
где лопухи кругом и лебеда.
И так мне было в этом мире славно,
как не было нигде и никогда.
Так сразу стало радостно и просто.
И чувства новые лелеял тихий свет.
Из сердца словно вынули занозу,
а с тела сняли ношу сотен лет.
Цветок качнулся. Пчёлка всполошилась.
Спокойно кто-то произнёс: “Свершилось!”

Мне было дивно. Как же так? Без грома?
И даже без известия? В ночи?
Был Страшный Суд закрытым, тихим,
скромным.

Никто не слышал. Разве что сычи.
А на земле полынной и медовой
цикорий щедро у дорог расцвёл.
Всё кончилось. Всё началось – любовью.
О, первый день людей, травы и пчёл!
Цыганский дождик успокоил площадь.
Тихонько дремлет работяга-лошадь.
Велосипеды чуть скрипят, пыля.
Никто ещё не знает.
Только я.

МЕСЯЦ НА ЗОЛОТОЙ НИТКЕ (Городская сказочка)

1. НОЧНОЙ ПРОЛОГ

Прозрачной тени не видал никто.
Неужто это он? В проулке? Ночью?
Он просит у меня приюта тихо очень.
Как бледен он! В затасканном пальто,
где дырки, словно звёзды...

«Я изранен
судьбою, как библейский Йов.
Я б не тревожил Вас, моя любовь,
когда б не сквозняки в любом кармане!»
Спросила я: «Так что же с Вами случилось?»
Он отвечал: «С больною головой
очнулся здесь. Хоть каркай, волком вой –
ведь что упало с неба, то пропало!»

Но он постучался в мой дом уныло.
Я открыла, вскрикнула: «Гость мой ясный!
Что ж Вы так низко пали с высот таких?»
«И небо, – он молвил – над сердцем
не властно.

На высотах моих неземных
сердце моё пустота истомила.
Одинокому Свет и Величье не милы».
Видно, и Месяц
уйти от земных искушений не смог.
И тогда прозвучал исторический

МОЙ МОНОЛОГ:

«О Месяц! Не к лицу Вам это
блужданье в суетной мечте.
Вы мыслите, не как планета,
а как фонарик в темноте.
Вам не к лицу сей дамский лепет.
Мой конь крылат. Так Вы коня
седлайте – и в галоп! На небо!
Здесь оставаться Вам ни дня
нельзя. Здесь столько суеты
нагромоздили непотребной!
Разведены уже мосты
меж тротуарами и небом.
Здесь даже ночью страшно спать.
Здесь бескорыстие не ценят.
Не стоит бдительность терять –
чуть что – ограбят или женят.
За всё здесь надобно платить.
Злословье здесь, как паутина.
Тут в рамках окон золотых,
как на портретах, тех, старинных,
гадают девы до зари.
Им в тридцать говорят – стары...
Печаль их долгую не может
скрыть шторка в голубой горошек.

Под звуки вальсов старомодных
глядят из окон – может, может...
И, как сирены мореходам
о чём-то ворожат проходим.
А Вам – светить!
А Вам – летать!»
(Была терпка на сердце грусть,
был солон на моих устах
самопожертвованья вкус).
Ещё один за гостем шаг –
и прятать слёз уже не надо.
Летел, сияя в небесах,
стремительный мой конь крылатый.
Мой гость на нём умчался прочь,
оставив в сердце струнку боли.
И два вивальдиевских гобоя,
как свечи, освещали ночь.

3. ИЗ ГАЗЕТ

Был памятен тот год активностью светил,
дублёнками. Был кофе в дефиците.
Разбился мой бокал любимый веницкий.
О, как я плакала над прахом золотым!

В кафе «Фиалка» ела я котлеты.
Там запах не фиалок, а капуст.
В тот год плодились угрожающе поэты.
Не брал их полчища ни хлорофос, ни дуст.

«Нет, не к добру... К чему сия примета? –
гадал мой дед. – Быть может, на войну?
На глад? На мор? А может, на комету?»
А я сказала: «Верно, на весну...»

Явление сезонное. Пройдёт...»
Но скоро я за это верхоглядство
была наказана. По городу метёт
цыганский ветер конокрадства.

То тут, то там украдены Пегасы.
Заезжены. Прокручены на фарш.
Соседская девчушка в первом классе
сидит, как на меня досужий шарж.
Берет тетрадку в клетку и понуро
уже рифмует «Тетя Шура – дура!»

И вдруг

пришло сообщение:

«Несчастье!

На Львовской площади, под деревом, лежит
конёк крылатый голубой небесной масти.
Ещё живой, только ему не жить.

Преступников же след простыл. Но лично
два-три прохожих видели их всех.
В плащах с регланами.
Их было семь.
Все с виду демонично-байроничны».
Я закричала: «Как перенести
мне это горе?..»

Мир твоим подковам,
конёк мой.

Не найти уж мне такого.

Прости!

О, Месяц, а куда же делся ты?

4. ТЕХНОКРАТИАНА

Тяжка твоя рука, о НТР!
Тяжки статьи твоих апологетов!
Штампуют рифмы ЭВМ.
Дрожат поэты.

Кричат поэты: «Боже, что ж теперь?!»
Модерные мессии энергично
прибрали обывателя к рукам.
И даже бедный Месяц романтичный
стал доктором наук каких-то там.
Узнал, что он – космическое тело,
без всяких романтических дилемм.
Что весь, со всем своим свеченьем,
как на ладони он пред ЭВМ.
Что нимб его печальный – мелодрама.
Что вся его романтика вредна –
она лишь следствие вдыханья фимиама
от канцонет, сонетов и сонат.
Что он лишь спутник. Больше ничего.
Он винтик космоса. И точка!

И пустое,
что музыка ещё звучит в душе его.
Пройдёт и это, как и всё другое.
«А где же спутница?

Мы сей вопрос пикантный
обговорим», – сказал маститый шеф,
профессор пожилой, но импозантный,
отец пяти супернаучных дев.

5. СОТВОРЕНИЕ МИРА

Сначала «бѣ» темень сомнений.
Потом «бѣ» слово.
И был ответ.
И изрек Господь: пусть будет так!
И отделил Господь потолок от пола.
И стала квартира.
И это был День Первый.

И пошёл Господь в сберкассу, и сотворил
Господь
венгерский гарнитур
и отечественную кухню.
И поместил Господь
на потолке люстру, а внизу – ковёр.
И это были День Второй и День Третий.
И сотворил Господь на зависть гостям своим
антикварные часы, чтоб отделять
миг от мига, а день от ночи.
И сотворил Господь
английский настольный календарь,
чтоб отделять месяц от месяца и год от года.
И сотворил Господь телефон, и телевизор,
и пылесос,
и стиральную машину, и миксер, и всякие
иные божественные вещи.
В пятый день Бог дал жизнь пальмам,
и кактусам,
рыбкам и попугаям, сиамскому коту
и шотландской овчарке.
И благословила все эти творения
молодая супербогиня.
На шестой день Господь замесил глину
и стал лепить Адама.
И спросила его молодая супербогиня:
«Что ты делаешь, о Господи?»
И ответил ей Господь:
«Хочу сотворить человека
по своему образу и подобию,
чтоб рвал он штанишки, и таскал
сиамского кота за хвост, и целился
из рогатки в электрические лампочки,
и вытворял всякие иные
божественные штуки».

И сказала на это молодая супербогиня:
«Дело нехитрое. Успеется!»
И послушался Господь, и вылепил авто.
На седьмой день отдыхал Господь от всех
деяний своих.

Пошел, сунув руки в карманы
американских джинсов,
на перекрёсток, где сияла, как солнце,
жёлтым чревом пивная бочка, где пылали
в осеннем солнце кружки,
наполненные божественной амброзией.
И, осилив двенадцатую кружку,
благословил Бог
седьмой день, и стал он праздником
на веки вечные.

6. МОДЕРНИАНА

И вот, когда Месяц попивал себе пиво
из кружки,
мимо проходил художник
Апполинарий Дерюжко.
Помедлил. Прищурил очи. «Какой типаж!
Вы ж вылитый Месяц!
Вхожу я в раж!
Вхожу я в творческий трепет!
Вы Гамлет, скажу без лести».
«Ах, нет, я просто
Небом-Утраченный-Месяц...»
Творцу отказать? Да можно ли!
Неделю, и две, и год
Месяц дарил художнику
смелой кисти полёт.

Труд завершён! С мольберта
воззрился на свет неопрятный,
угрюмый Месяц модерный,
как телевизор, квадратный!

Ох!

Быстрее ветров осенних,
бежал он, от злости сиренев,
бежал он, гневный и острый,
и вправду квадратный от злости.

И мчались толпою тесной
за ним модернисты, эстеты:
«Вы ортодокс, о Месяц,
и ретроград при этом!»

А из витрин многоликих
смотрел хохочущим бесом
квадратный, зловещий, дикий
ночного города Месяц!..

7. ПРО ЗЕЛЁНОГО ЗМЕЯ

Жил в городе Зелёный Змей.
Такой коварный был, злодей!
Он был философ. Знал на память
Есенина, Омар Хайяма.
Умел с налету, артистично
разлить поллитру на троих он,
выкрикивая патетично:
«In vino veritas!» И лихо
на нём пылал шелкóвый шарф.
А под шарфом неугасимо
его холодная душа
горела , напоказ, красиво.
Диплом врача украв сначала,
потом купив ординатуру,

прописывал от всех печалей
свою зелёную микстуру.
Недужных в погребке встречал он.
И не было на тех приёмах
разве что деток годовалых,
а также насмерть исцелённых.
И мы там были. Я и ты.
И нам вещал он, как по нотам.
Глупы мы, Господи прости.
Всяк дурит нас, кому охота.
А вот и Месяц за столом.
Пьянёхонек. И Змею друг он.
Размылась острота углов,
и Месяц стал блаженно-круглым.
Зелёный Змей ему при этом
давал бесовские советы.
Мол, тропка на небо одна:
поставь бочоночек вина,
а на него – второй, и третий...
И небеса в твоём берете!
Твоё здесь будет всё и вся.
И распростишься ты с тоскою,
коль насчитаешь пятьдесят
таких подпорок под собою.

8. ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЗЛЁТУ

Взлетайте! Небо безгранично!
Кто на Пегасе, кто и так.
Моя соседка злоязычна –
ей только на метле летать.

Над городом, я знаю, ночью
не протолкнуться. Сквозь балкон
на кресле кожаном рабочем
взлетел директор Храбаков.

Торжественно взлетает в небо
на дефицитнейшем ковре
(сосед от зависти помре!) –
Нинель Назаровна Шерепа.

Тот на портфеле примостился.
Вознёсся в небо и дрожит.
И я дрожу: «Ох, не убился б!
Ой, горе мне! Вот-вот слетит...»

А балерина – на пуантах,
учёный муж – на фолиантах,
а детки – на цветных мечтах,
на змеях, планерах, шарах.

Неистребима к небу тяга.
А вот и Месяц. Караул!
Он в небо хочет, бедолага.
Ведь на земле не жить ему!
Он пьян, но всё ж неугомонно
бочонок ставит на бочонок.
Со страхом я смотрю в окно:
«Ой, упадёт же, окаянный!»
Уже качается, как пьяный,
под ним высокий столп с вином.
Всё выше! Страшно вгору глянуть.
Там, поднимая свой бокал,
мой Месяц излагает рьяно
про звёзды что-то облакам.
И вдруг...

Бродячий пёс привычно
нахально помечает столп,
задравши ножку, как обычно.
И, в этом деле зная толк,
взмахнул хвостом –
и... рухнул столп!

9. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Серое утро сырое. Нынче так тяжело жить мне...
Лежу и тихонько ною
с грелкою на гастрите.
Утренние трамваи
уже расползлись по рельсам.
Вниманье! Вниманье!

Событий последняя версия!
«Ночью, – уведомляет сторож Мурмурков, –
на город напали ляхи, немцы и турки».
Не одолев даже пушками доблестный Киев,
решили они науськать Зелёного Змия.
Битва была ужасной!

Над городским музеем
Змей извергал из пасти бочки с портвейном.
Грохались бочки наземь, их разверзались чрева.
Глухо земля стонала в городе древнем.
И пред рассветом туманным остановились авто.
С площади хлынул

багряный
винный
Потоп!

В ту же минуту, скинув с себя одеяла и сны,
в битву отважно ринулись Отчизны Сыны.
Хоть на бегу и падали (нет уж того здоровья),
бились они до капли.

Последней. Только не крови.
Слабли у воинов силы. Кого-то уже скосило.
Этого – перекосило, тот догорал красиво.
«Что нам тот градус, братики?!
Борька! Володька! Мусенька!
Не посрамим же матери
земли Русской!»

Рёвом отважное слово
встретило всё землячество
и загудело: «По новой...
Не расслабляться!»

Пригоршнями,
совками
иль, подобравши фалды, –
Господи! – языками...
голыми... по асфальту!
Хлюпанье, чавканье дружное.
Гордые бравые речи.
Утром – нигде ни лужицы.
И похмелиться нечем.

... В городе с того года
ты не увидишь пьяных.
Пьют только соки и воды
в каждом кафе киевляне.
Боже! О, как легко им!
Лица их лучезарны.
И от досады зелёной
Змей эмигрировал за море.

10. БЫЛА ВЕСНА

Прозрачной тени не видал никто.
Неужто это он? В проулке? Ночью?
Он попросил приюта тихо очень.
Как бледен он! В затасканном пальто.

Я привела его в свой дом. Одежды
зашила. Так светил мне Месяц мой!
«Уж не пожар ли?» – думали соседи.
Я становилась юно-золотой,

сияющею, лёгкой, беззаботной.
Минула ночь. Был каждый кустик рад,
когда я по дороге на работу
вела свою дочурку в детский сад.

Он провожал нас. Вёл её за ручку.
Шутил. Смеялся. Сказки говорил.
У входа в садик, что зовётся «Лучик»,
нас окружила стайка детворы.

И я в тот день на службу опоздала –
я не могла наслушаться никак
тех лунных сказок, что детишкам малым
рассказывал мой Месяц. «Вот чудак!» –

прохожие тихонько говорили.
А детворе до них и дела нет.
Заведующая с улыбкой милой
вдруг гостя пригласила в кабинет.

Тепло сказала: «Оставайтесь с нами!
Для нас Вы клад. У Вас такой талант!»
И добрый Месяц (как откажешь даме?)
оделся в накрахмаленный халат.

Была весна. Вовсю цвели сирени.
И пели птицы о грядущем лете.
И Месяц цвёл, крылатый, вдохновенный.
И, как бутоны, расцветали дети.

11. ЛУННЫЙ ФИНАЛ

А сегодня сосед меня встретил у дома:
«Вы читали газеты?

Там пишут – беда!

Ваш дружок, что недавно светился нескромно,
вдруг исчез!»

«Как исчез?»
«А вот так. Без следа».
С укоризной качал головою сосед.
Ох! Легко вас душить! Как наивны вы все.
Может умер? Пила я сердечные капли.
Нет! Не верю. Ведь он из компании той,
где и Тиль, и Брюньон, где и друг его
Чаплин –
не удержит и цепью их вечный покой.

И смотрел сквозь окошко фонарь мне в глаза
глубоко, словно Месяц – как будто бы в сердце.
И блестела его золотая слеза
в тихом синем мерцании перстня.

Рядом дочка спала. Видно, снился ей сон,
разноцветный и лёгкий – так смеялась
в подушку.

Ночничок мой горел, и таинственно он
освещал этой ночью мою комнатушку.

Что-то знали они. Моя дочь. И ночник.
Серый котик-баюн, медвежонок из ваты.
Где-то дрогнули струны, и в светлый тот миг
захотелось самой в этом сне побывать мне.

...Нестерпимо пронзительно вспыхнула синь, –
небеса, небеса!!! Я сомкнула ресницы.
Видно, мне не снести этой дивной красы,
этим чудным сияньем боюсь опалиться.

Я сказала себе: пусть и очи спалю!
И – увидела!
Синь раскрывалась глубинно.
И легко в небеса поднимался салют
из шаров – жёлтых, алых,
оранжевых, синих.

И висело на ниточке золотой
под шарами цветное лукошко. Как в кресле,
в нём в лазурное небо взлетал молодой,
аж зелёный, цветущий, как лилия, Месяц.

А внизу расцветали ручонки детей:
«Добрый друг наш, прощай!
 Радуй светом волшебным.
Мы дыханьем своим напоили коней,
что уносят тебя в неоглядное небо.

Золотой ты наш спутник, небесный флейтист,
городов наших страж и лесов наших спящих.
В тёмных окнах ночных лик твой светел и чист
и в бездонных зрачках всех котов загулявших».

И порою ночью,
 чтоб обычное стало чудесным,
Землю краской раскрась золотою,
 как игрушку на ёлке рождественской.
Засвети свои свечи, чтобы праздником всё расцвело.
Вместе Землю беречь нам –
 ведь хрупка она, как стекло.

Слышишь, как зазвенела?
 Задрожали у клёна листочки.
Или сердце моё так звенит этой майскою ночью?
С яблонь цвет облетает,
 зачарованный Месяцем цвет.
Так и дни отлетают в края уже прожитых лет.

Снова дрогнули струны
 и замолкли... И сон мой растаял.
Скоро стану седою и мудрой.
 Оттого и светла, и грустна я.

идти за ним с корзинкою орехов,
с охапкой солнечных духмяных трав
туда, в страну любви, добра и смеха,
где смерть отныне не имеет прав.

Кивают солнцу сонные ромашки.
И прямо в небо, словно светлый стяг,
бежит сынок мой в розовой рубашке.
Не разберёшь, где солнце, где дитя.

В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Боже, что я сделала весне?
Что ж она пришла и не осталась?
В этот год так тяжко зимовалось.
Думала, весной воздастся мне.

А она и снега с головы
не смахнула. Только мне с порога
лишь на борщик кинула травы –
молодой крапивушки немного.

Изменила мне! А надо жить.
Слёзы спрятать. Как-то там крутиться.
В склянке ветка голая дрожит.
Ей, как мне, весна весною снится.

В вербное святое воскресенье
греюсь возле собственной души.
Как остаться светлой и весенней,
подскажи ей, Боже, подскажи!

ХУДОЖНИК

С базарной площади, с картинки кустаря
путь начинала робкая заря.

Сперва в оконце, словно лепесток,
малиновела в левом уголке.

Потом с небес, как шёлковый платок,
омыв края в малиновой реке,
свисала. Даже лебеди горели.

И выплеснулась вдруг! И заалели
бульвары.

Гордый был кустарь, не зазывал.

Но я купила у него товар.

Благодарил художник: «Будь счастливой!»

Уж площадь переполнена зарёй.

А он пошёл к ближайшей бочке с пивом,
чтоб скинуть бремя трезвости долой.

Покуда с плеч он сбрасывал замшелый
тягучих дней невыносимый гнёт –

заря всю над Киевом горела,
аж кружкам стало жарко от неё.

Блаженный, ослеплённый, златоглавый,
бродил он до ночи. На поезд опоздал.

И на скамейке жёсткой и шершавой
накрылся пиджачком – да так и спал.

Когда б он знал... Когда б он только знал!

Да где там! Пьяненький, убогий человек...

Ни чёрту кочерга, ни Богу свечка.

Жил сорок лет, а может, пятьдесят.

Не мог ни хлеборобить, ни тесать.

Соседка помогала. Борщ варила.

Когда на краски тратился – журила.

Быть может, жив ещё, хоть духом слаб и телом.

А помер – так житейское то дело.

Но каждый день с картинки кустаря
несмело начинается заря.

О, как она неопалимо льётся!
Когда б он знал... Не знал. Уж так ведётся –
хоть светлая творцу открыта даль,
хоть правит им порой святое чувство –
но путь художника и путь искусства
нечасто сходятся. А жаль.

ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ

С дождями как будто искусные маги
дверь открывают в царство бумаги.
Вот зóрю машины, хрипя, прокричали.
Дверь открывается в царство печали.

Цветник на балконе от холода лысый.
И струи дождя над цветками повисли.
Разинули роты дамы цветастые
напротив рекламы «Купите счастья!»

На бледных лицах пунцовым криком
горят безнадежностью рты-гвоздики.
«Что лучше? То счастье и плащик негожий
или пальто золотой кожи?».

Какое там счастье в замёрзшем теле?
Расходятся дамы – печальные тени.
И в смокинге плачет от этой напасти
директор пустующей лавки счастья.

Коллега! И я, как и вы, банкрот.
Закройте-ка лавку, а я – блокнот.
Лукавству света дивиться не внове!
Так выпьем кофе...

И стихи, и счастье – всё суета,
кроме чашечки кофе славного.
«Браво, пиит! Давно бы так –
браво!»

МОЛЧАЛЬНИЦА БАЛКОНА

Рассвет. Закат. Опять рассвет.
И снова вечер скоро.
Наденет старенький берет
мой шансонье знакомый.

Он любит дождь и «Каберне»
и серенады дарит мне.
Я ж тоненькая, как кларнет –
Молчальница Балкона.

Рыдала мама. Старший брат
кричал: «Ну что грустна ты?
Ну почему б тебе не стать
как мама, адвокатом?»

Я сквозь ресниц зелёный снег
смотрю на них смиренно.
«Вот стать бы звёздочкою мне,
иль хоть бы манекеном!»

И тихо так во мне звучит
под звоны городские
нехитрой песенки мотив
про дождики цветные:

НЕХИТРАЯ ПЕСЕНКА

Дождик синий. А бывает
дождик жёлтый, светлосерый.
Ничего я не желаю.
Никому я не поверю.

И придёт кто – да не тот.
Что и скажет – да не то.
И не то летит авто.
Даже дождь не тот идёт.

И сама – не там, не та я.
И не те мои слова.
И не знаю, и гадаю:
я жива иль не жива?

Дождик синий – бим-бам-бом! –
тротуар и крышу моет.
Сплю я лёгким, светлым сном.
Просыпаться, иль не стоит?

Дождик серый – кап-кап-кап! –
перестать никак не хочет.
Моя мама – адвокат.
Я же лишь фиалка-дочка.

Из цикла «DIES IRAE»
(«День гнева»)

ЖЕНЩИНА В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ...

Помыла посуду. Вымела хатку.
Тёрн цветёт, и барвинок цветёт.
Усталость качает, как лодка, зато
всё у тебя в этот вечер в порядке.
В доме твоём всё блестит и цветёт.
Хлопчик растёт, расцветает дивчина.
Будет закладкою ночь соловьиная
в Книге Трудов. А усталость – пройдёт.
Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

Сеется дождик на плод и на цвет.
Только не будет ни цвета, ни плода.
Доброй нам ночи! На тысячу лет.
Солнце заходит.
Навечно заходит.
Вера убита в иссохшемся сердце.
Всё было тщетным – Иисус, Прометей.
И, облучённые солнцем и смертью,
смотрим сквозь слёзы на лица детей.

Льётся на стол, где клеёночки синь,
тихий закатного солнышка свет.
Остановись же, мгновенье!

Застынь!

Кроме тебя, ничего у нас нет.
Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

Утром не вынет из книги закладку
Божья десница. И, так же, как мы,
Бог, загасивши солнца лампадку,
пойдёт безнадежной дорогою тьмы...

...Стих на рассвете, вино многолетнее,
мудрости доброй бессмертный чертог, –
всё было чистым и добрым на свете.
Всё было тщетным.
И тщетным был Бог.

Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

ПЕРО

Поле заморочено дождями.
Этой ночью жёлтый сад умрёт.
Не купить давно в сельмаге чаю.
А от трав уже тоска берёт.
Слякоть на промозглых огородах.
И душа замёрзшая мала.
И ни ходу нет уже, ни броду
на раскисших улицах села.
Огонёк моей свечи слабеет,
и скрипит усталое перо.
Жить и не писать я не умею,
хмелем слов пронизано нутро.
Только как писать, когда на Бога
мы уже не в силах уповать?
Разве не кощунство – рифмовать!
Это ж – как на гробе танцевать.
Впрочем, люди даже это могут.

Всё былое минуло. Тавро
здесь на всём. Печать конца и тлена.
Серо всё. Калина лишь алеет.
Выцвели вино, чернила, кровь.
Чем же будем мы писать, перо?
Что ж! Тебя я, жгучее, сухое,
в сердце обмакну, ещё живое.
Тем спасусь.
Откликнется душа.
И прольётся скорбными строками
всё, что запеклось в горячий камень –
ужас, гнев, и жалость, и страданье,
и беды неумолимый шаг.
Их читать не надо. Смерти доза
в них смертельна. Холодом скуют.
И отнимут веру, и сожгут.
Пусть же канут в Лету.
И, как слёзы,
между пальцев Бога протекут.

В ХАТЕ

Теперь – за обычное. Печь затопить.
Смахнуть паутину в куточках укромных.
А после картошки на ужин сварить.
Жива иль мертва – а хозяйка я в доме.
Тоска так черна, что не хочется жить.
Но из тоски – я же всё-таки мать, –
выйду к сыночку, чтоб покормить.
И сказку про счастье ему рассказать.
Вдруг стало дышаться легко и блаженно –
то сын протянул хризантемы в окно.

Но каркает ворон... Иль колкость
рентгенов.

«Мой руки, мой руки, сынок...»

«Смотри, мама, котик. Голодный, наверно.

Ах, ты, бедненький замазюка...»

«Тик-так...» – то ль часы, то ли колкость
рентгенов.

Мой руки! Мой руки! Мой руки!

«Мама, а можно мне на песок?

Там хлопцы сегодня хоронят реактор.

Не бойся! То просто железа кусок.

А дед Степан наловили раков.

И меня угощали. Вкусно!

Что же у нас консервы одни?

Мама, не плачь! Отчего тебе грустно?

Я тебя рассердил?»

«Я не плачу. То печка вражья...»

«Видать, накопилась в трубе нашей сажа.

А когда ж по грибы? Их полно, я слышал.

Уж скоро дожди, ведь октябрь наступает».

«Где ж ты пуговку потерял?»

«А разве я знаю?»

Лопатку украдкой схватил... У песка

играет... Привстал... Отряхает колена...

А в сердце стучится колкость рентгенов.

От каждой песчинки.

От каждого стебелька...

Ещё светло? Но меркнет ясность дня.
Для чёрных дней побереги меня.
Лишь пригаси –
и, взята тишиною,
уже не буду я тебе женою...
Я буду тенью, голосом, луной.
И будешь, как слепой, сквозь тьму мирскую
ты горестно брести на голос мой
и звать меня...
Кого же звать? Какую?
Ту птичку, что и поймана – летала?
Фиалку, что и сорвана – цвела?
Ту яблоню, что детям жизнь давала?
Ту свечку, что погасла – и была?
Кого же будешь звать, мой друг,
тревожно?
Кем я была? И кем я буду, Боже?
Господь мне улыбнётся: – Не жалей.
И не тревожься. Будет всё, как надо.
И будет небо снова птахе радо.
Вновь расцветёт фиалка на земле.
И будет яблоня, есть место для неё.
Свеча осветит Царствие Моё...
– А что же с ним останется, Господь,
в тех чёрных днях,
холодных и порожних?
– Твоя любовь, дитя,
твоя любовь...
И милость Божья.

**СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК
«ЕВАНГЕЛІЄ ВІД ЛАСТІВКИ»**

* * *

А я живу
в ажурных пятнах солнца...
Смирив ресницами очей горячий всплеск,
подсолнухов я вижу вальсы жёлтые
сквозь голубую дрожь прикрытых век.
В пыли дорог, растеряна, зеницы
раскрыть не смею я в хмельные горизонты,
когда так закачалось на ресницах
мохнатое разморенное солнце.
Но нет глухих дорог,
и нет сомнений мук —
их смысла солнца жаркая река.
Есть лишь подсолнухи и сладкая тоска,
вечерняя тоска тяжёлых рук.
И есть души берёзовая звень,
что наполняла песней август зрелый,
извечной песней тихих деревень —
мелодией труда
и смуглым гимном тела.
И вот живая потекла струя
в заснувшей заводи бездонных рук усталых.
А солнце прикорнуло, затаясь
меж днём и вечером, на грани тёмно-алой
в пожухлых стрелках вызревшего лука.
И кружат тучки в жёлтой полудрёме.
И утонули радости и муки
в подсолнухах
и сладостной истоме.

САД

Расцвёл закат тревожно и смолисто,
играя гроздью колеров и форм,
и зачаровано меж травами побрёл
укромный сад,
раскрыв ладошки-листья.
Освётлен, околдован и притишен
таким многоголосием красы,
он замер.
Только белый звон осин
снётся паутиной:
спишь — не спишь ли?
Ты спишь — не спишь?
Взволнованный камыш
вплетается в очей лепесткопад.
Я жду,
я медлю,
вслушиваюсь в тишь.
Укромный сад.
Я очень тихий сад.
Он незаметен вам.
Какое сердце знает,
как в эту тишь, обламывая ветви,
влетают птицы, диким многоцветьем
и гомоном вселенским наполняя
мои раскрытые
испуганные очи?
И вновь спокойно всё...
Лишь струн негромких лад
берёз коснулся.
На пороге ночи
притих и слушает себя
укромный сад.

КУПАЛЬСКОЕ

Одеваю вечер на чело
тихой синевою лазурита
и смеюсь, легко иду селом,
в васильковое ступаю жито.
Где моё забытое окно?
Я устала ждать, устала звать,
тенью скрыта от меня давно
лёгкой занавески белизна.
Я ищу иссиня-золотые
искры в травах сказочного лета.
Где ж оно, моё окно

и ты,

клад волшебный, спрятанный от света?

Я ишу...

И звёздная метель
в черноте купальской полуночи
осыпает пряный горький хмель,
но унять печаль мою не хочет.

* * *

Тот синий день от снега изнемог,
пришла печаль, пленительно красива.
И косу снежную, и льдинки ног
закат в вишнёвую закутал гриву.
Печаль ходила, жалобно рыдала,
ломала руки, словно куст калины,
а вечер фиолетово спадал
фиалками на снег тот тёмносиний.
И вздрогнул лес. И снежные иголки
из-под копыт коня
блеснули к ночи.

Цветов упали синие осколки
в лучистые и трепетные очи.
Как мачты кораблей, стволы стонали.
Промчал волшебный всадник ясноокий!
И ярко вспыхнул он в пурпурной дали,
и растворился в синеве глубокой.

Воспой, печаль! И сердцу дай покой,
дай мне уснуть с улыбкою счастливой.
...Манил тот день фиалковой мечтой.
Была печаль пленительно красива.

ПОДКОВА

Была зима. Пошёл зелёный снег.
А следом – розовый. А после – васильковый.
И протрусил рысцою на коне
Дедок Мороз. И потерял подкову.

Так схожа с месяцем, так золотом блестя,
она лежала серпиком печальным,
что даже самолеты в небесах
задумались
и крыльями качали.

А я нашла. Сказала ей: – Свети
здесь, на окне. Пусть сбудутся желанья!
Но тут сошлись вокруг, разинув рты,
семьсот раззяв. И замерли в молчаньи.

Вокруг светился то зелёный снег,
то розовый, то густо-васильковый.
Они стояли пять, и десять дней, –
очаровала их моя подкова.

Что ж, в чемодан подкову положу,
куплю я шубу. И тогда поеду
в Лапландию. Немного потужу,
но так и быть, отдам подкову Деду.

Ну, вот и всё. С белёсой высоты
обычный снег пошёл легко и ровно.
А все семьсот раззяв закрыли рты
и разбрелись тихонько по сугробам.

АВТОПОРТРЕТ

Миг этот – мой. Короткий и безбрежный,
он не доступен никому на свете.
Пурпурный шар над садом белоснежным,
пылая, льётся сквозь густые ветви.

Другому месту не бывать нигде,
не повторить минуты несказанной.
Пусть повенчает нас венец багряный!
Пусть полон смеха будет этот день!

День нежности, день радости в борьбе,
день для труда, восторга, светлой злости.
День для экстаза творчества, для роста.
День холода и день огня в себе.

Люблю весеннее дыхание юга.
Как светел тишины безгрешный миг,
когда я христианка и супруга,
когда в душе моей блаженный мир.

И, как роса, светла я и легка.
И тишина струится над землёю.
И дышит мир спокойной красотой,
и солнцу в небе вторят облака.

Лицо моё – как сад. Меня несмело
целует ветерок, почти не слышен.
И облетает цвет с послушных вишен.
Автопортрет готов. Ирина в белом.

Но любо, когда заревом во мне
пылает ярость, к бою призывая.
Тогда я – еретичка на огне.
Я – ведьма. Примиренья не желаю.

И гнев мой круг! И мне неведом страх.
Перед очами полыхает знамя.
Да славятся вовек борьба и пламя,
и поцелуй костра на сомкнутых губах.

В багровом дыме, высока и властна,
стою, дитя и меч держа в руках.
Дымятся косы, тлея на плечах.
Автопортрет готов. Ирина в красном.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
"Когда остатки солнышка на платье..."	9
"Запахло дождём..."	10
"Туманным утром в доме, полном счастья..."	11
"Есть души, как летние звёзды..."	11
"Я шла из парка..."	12
"Я приду сегодня в ясный полдень..."	13
СОВА	14
СОСНА	16
ГЕРАНЬ	17
"Сегодня Спас..."	17
"Стихает боль..."	18
И СВЕТЛОЙ АЛЛЕЕЙ...	19
"В ночи сошли снега..."	19
ОКНО, РАСКРЫТОЕ В САД	20
В ОТЗВУКЕ ЧУДА	21
ОСЕНЬ. КОПАЛИ КАРТОШКУ	21
ОКОНЧЕНЫ ХЛОПОТЫ ЛЕТА...	22
"Озёра стынут по ночам..."	23
"До нежной жалости, до боли..."	24
КРАСНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ	24
ГОРОДОК. ДОЖДЬ	25
СТАНЦИЯ	26
ОСЕННИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР	27
"Снег. Мороз..."	29
"Всё я знаю..."	30
СВЕТ ОСЕНИ (<i>Цикл</i>)	31
1. "Я праздновала вечер года..."	31
2. "Склонившись, астры лето отпевали..."	32
3. "Я вчера побелила..."	33
4. "Огонь. И сумерки..."	34
5. "Я живу вот в этой дикой хатке..."	34
6. "Живу в очарованьи вечных тем..."	35

СТИХ В АЛЬБОМ	37
СУМЕРКИ	38
НА СКЛОНЕ ДНЯ	40
СЕРДЦЕ	41
ПЧЁЛЫ	42
МЕСЯЦ НА ЗОЛОТОЙ НИТКЕ (городская сказочка)	43
1. Ночной пролог	43
2. Воспоминания при луне	44
3. Из газет	46
4. Технократиана	47
5. Сотворение мира	48
6. Модерниана	50
7. Про Зелёного Змея	51
8. Приглашение к взлёту	52
9. Последние известия	54
10. Была весна	55
11. Лунный финал	56
РОЗОВОЕ ПОЛЕ	60
В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	61
ХУДОЖНИК	62
ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ	63
МОЛЧАЛЬНИЦА БАЛКОНА	64
НЕХИТРАЯ ПЕСЕНКА	65
Из цикла "DIES IRAE" (День гнева)	66
ЖЕНЩИНА В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ... ..	66
ПЕРО	67
В ХАТЕ	68
ОСЕНЬ. НОЧНАЯ МУЗЫКА	70
ЛЮБОВЬ	71

Стихотворения, не вошедшие в сборник

«ЄВАНГЕЛІЄ ВІД ЛАСТІВКИ»

"А я живу..."	73
САД	74
КУПАЛЬСКОЕ	75
"Тот синий день от снега изнемог..."	75
ПОДКОВА	76
АВТОПОРТРЕТ	77